

УДК 821. 1

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ В ПОЭТИКЕ РУССКОГО РОМАНСА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация: авторы рассматривают одно из важнейших направлений в русской песенной лирике на рубеже XIX–XX вв. Он анализирует проблему любви и семейных ценностей и их значение в музыкальной культуре того времени. Особенное внимание он уделяет любовной романсовой лирике, в которой сочетались лучшие образцы авторской и народной музыкальной культуры.

Ключевые слова: романс, песенная лирика, рубеж веков, культура, музыкальная традиция, песенное творчество, музыкальный жанр, семейные ценности.

Karapetyan E.A.,
candidate of Philology, associate professor the
Armavir mekhaniko-technological institute (branch)
of Kuban State Technological university
Shubin A.I.,
student 3 courses the Armavir mekhaniko-
technological institute (branch)
of Kuban State Technological university

LOVE POEMS AT THE TURN OF THE CENTURY IN THE POETICS OF RUSSIAN ROMANCE (THE END OF XIX-BEGINNING OF THE XX CENTURIES)

Summary: the author considers one of the most important directions of Russian song lyrics at the turn of XIX-XX centuries. The problem of love and family values and their importance in the musical culture of that time is analyzed. Special attention is paid to loving romance lyrics, which combined the best specimens of original music and folk culture.

Keywords: romance, song lyrics, turn of the century, culture, musical tradition, songs, music genre, family values.

В России XIX – начала XX столетий семейные ценности в общественном сознании были неразрывно связаны с чувственным миром человека, а именно с любовью, которая так или иначе является неотъемлемой спутницей любого удачного брака. Исходя из этого, тема выражения своих чувств, любовных переживаний нашла свое яркое воплощение в лирике романса этого исторического периода. Тематика любви в данном случае являлась выражением высокой человеческой духовности, и любовь зачастую понималась авторами произведений романтической лирики как высшая человеческая ценность и ключевой элемент истинно счастливых и удачных брачных уз, обеспечивающий прочность и стабильность семейных отношений.

С особой экспрессией звучат слова *любовь, любить, полюбить* в старинном романсе «В час ро-

ковой»: *В час роковой, когда встретил тебя, // Трепетно сердце забилось во мне, // Страстно, безумно тебя любя, // Был я весь день как во сне. // Припев: Сколько счастья, сколько муки // Ты, любовь, несешь с собой! // В час свиданья, в час разлуки // Дышит все тобой одной!...* А в романсе «Снова пою» (сл. и муз. В. Семенова) любовь представляется лирическому герою как земное счастье: *Снова пою // Я песнь свою: // «Тебя люблю, люблю!» // С тобою быть, // Тобою жить, // Тебя любить, любить!* По-иному, с эмоциональным оттенком нежности, чувственности представляется любовь в романсе «Сердце рвется к тебе» (обр. Е. Юровской): *Ненаглядный ты мой, // Как люблю я тебя! // Взор пленительный твой // Сожигает меня. // Говорить ли начнешь – // Сердце рвется к тебе, // Про любовь ли поешь – // Плакать хочется мне...*

Идеальным воплощением высокой ментальной семантики и экспрессии концепта «любовь» является положенное на музыку стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье»: *Я помню чудное мгновенье: // Передо мной явилась ты, // Как мимолетное виденье, // Как гений чистой красоты. // В томленьях грусти безнадежной, // В тревогах шумной суеты, // Звучал мне долго голос нежный // И снились милые черты...*

Выраженное Пушкиным возвышенное отношение к любви было доминирующим в романсовой лирике XIX века. По содержанию и ситуативно пушкинскому поэтическому посланию очень близко стихотворение Ф. Тютчева «Я встретил вас»: *Я встретил Вас – и все былое // В отжившем сердце ожило; // Я вспомнил время золотое – // И сердцу стало так тепло... // Так поздней осени порою // Бывают дни, бывает час, // Когда повеет вдруг весною // И что-то встрепенется в нас... // Как после вековой разлуки, // Гляжу на Вас как бы во сне, – // И вот – слышнее стали звуки, // Не умолкавшие во мне... // Тут не одно воспоминанье, // Тут жизнь заговорила вновь, – // И то же в вас очарованье, // И та ж в душе моей любовь!* В тексте Тютчева наблюдаются мягкие лирические нотки. Речевая структура всего стихотворения подчинена созданию этой мягкой задушевной лиричности: «вспомнил время золотое», «все былое ожило», «сердцу стало так тепло», «повеет весною», «жизнь заговорила вновь», «то же в вас очарованье». Однако «при всем отличии эмоциональной тональности тютчевского текста, обусловленной индивидуальными качествами лирического героя, особенностями его эмоционального состояния, наконец, индивидуальной стилистической манерой поэта, этому стихотворению свойственна общая черта романсовой ментальности – возвышенное отношение к объекту любви» [1, с. 82].

Центральные, ядерные лексемы *любовь, любить, полюбить, разлюбить* образуют основу концептуальной структуры романса. На основе своих семантических связей они вовлекают в эту структуру различные семантические ряды слов околядерной зоны. Так, например, в отрывке из романса «В час роковой» закономерно вовлеченными, жанрово обусловленными становятся такие слова и устойчивые сочетания слов, как *свиданье, разлука, час роковой*. Поскольку в романсе поется, прежде всего, о любви, то и слова *встреча, час роковой, свидание, встретить, встретиться, разлука, разлучиться* очень часто употребляются в романсе, формируя его семантическую структуру. На основе сложившихся в языке естественных смысловых связей экспрессемами-спутниками являются в приведенных отрывках слова *радость, счастье, мука, печаль, страдать* и т.п. Любовь несет с собой *радость, счастье, блаженство, счастливую семейную жизнь*, но она же приносит и *муки, страдания, грусть, печаль, тоску, боль, слезы*. Будучи семантически связанными с ядерными лексемами, все эти слова и другие им подобные широко используются в романсе в качестве полеобразующих экспрессем. На их основе строятся не только припевы, повторяющиеся в форме рефрена стихи и строфы, но нередко и весь текст. В качестве примера можно привести романс «Когда б он знал» (сл. и муз. В. Филиппова, обр. Е. Юровской): *Когда б он знал души моей страданье, // Когда б он знал, как я его люблю! // С какою радостью ловлю с ним миг свиданья // И как его приветом дорожу! // Когда б он знал! // Когда б он знал больной души мученье, // Когда он холодно со мною говорит; // Когда б он знал слезы моей значенье, // Когда, невольная, в глазах порой блестит, // Когда б он знал! // Когда б он знал, что все существованье // Ему я одному с восторгом отдала, – // Он дар бы оценил, постиг мое страданье // И хоть из жалости, но полюбил меня!* Как видим, доминирующими по семантике и экспрессии в тексте являются слова, сочетания слов из отмеченных семантических групп: *страданье, радость, свиданье, мученье, слезы* и т.д. Вместе с глагольными формами *люблю, полюбил* они формируют основную семантику и экспрессию романса.

Любовь проявляется в определенных формах ласки, поэтому вполне закономерными, ментально

и жанрово обусловленными экспрессивными спутниками ядерных лексем в романсе широко функционируют слова *ласка, ласкать, поцелуй, целовать, поцеловать*, а также ныне устарелые, но актуальные для лирики XIX столетия *лобзать, лобзание*. Например: *Ах, зачем ты меня целовала, // Жар безумный в груди затая, // Ненаглядным меня называла // И клялась: «Я твоя, я твоя!» // В тихий час упоительной встречи // Только месяц в окошке сверкал, // Полон страсти, я дивные плечи // Без конца целовал, целовал.* («Ах, зачем ты меня целовала», сл. и муз. П. Баторина); *Не уходи, останься здесь. // Мне тяжела разлука эта. // Я буду плакать о былом, // Я буду плакать до рассвета. // Так приласкай, измучен я, // Давно в тоске душа моя, // Так будь со мной, ласкай меня...* («Давно в тоске душа моя», сл. и муз. Л. Колышевского); *Не видеть мне твоих лобзаний, // Не слышать мне твоих речей, // Не разделять с тобой твои страданья // И тихой радости твоей.* («Тебя отнимут у меня», сл. и муз. С. Давыдова).

С проявлением любовных ласк связано широкое употребление в романсе в качестве ситуативных экспресsem глагольных императивов «не уходи», «побудь», «подожди» и т.п. Романс Н. Зубова так и называется «Не уходи, побудь со мною»: *Не уходи, побудь со мною! // Здесь так отрадно и светло! // Я поцелуями покрою // Уста и очи, и чело! // Побудь со мной! Побудь со мной!...* Романс графини Т. Толстой называется «О, жизнь моя, постой, не уходи!»: *Я так хочу, чтобы ты была со мною, // Чтобы я мог припасть к твоей груди // И в забытьи услышать над собою: // «О, жизнь моя, постой! Не уходи!» // Дай руку мне, смотри, не отрываясь, // Но этих грез отрадных не буди, // Они одно твердят теперь, ласкаясь: // «О, жизнь моя, постой! Не уходи!» // Не в силах я прервать очарованья, // Пускай грозит мне гибель впереди, // В душе живет одно твое признание: // О, жизнь моя, постой! Не уходи!».*

Для формирования личностного художественно-смыслового поля лирического героя в романсах очень широко используются слова *глаза, очи, взор, взгляд*. В целом ряде романсов при этом слова *очи* и *глаза* вынесены в заголовки. Так, романс в обработке Е. Юровской называется «И нет в мире очей»: *И нет в мире очей // И прекрасней, и черней. // Как его, как его. // И нет в мире речей, // Нет приятней, звучней // Ничего, ничего. // Взглянет - сердце кипит, // Скажет - в душу летит, // Как стрела, как стрела! // День и ночь им одним // Любовалась бы им...*

Концептуальные ключевые слова в романсе характеризуются широкой семантической сочетаемостью с другими словами, в частности с эмоционально-экспрессивными. По мнению Е.А. Карапетян, они «обильно вовлекают в речевую структуру романса слова и сочетания слов с высокой эмоциональной экспрессией. В результате обилия эмоционально-экспрессивных слов-спутников нейтральные лексеммы в романсе становятся экспрессивными, а эмоциональные ключевые слова еще в большей мере «заряжаются» экспрессией» [2, с. 124]. Слово *любить*, например, эмоциональное и экспрессивное уже по своей денотативной семантике, приобретает еще большее эмоционально-экспрессивное звучание в типичных для романса сочетаниях с качественными наречиями, характеризующими ментальность лирического героя: *страстно, нежно, искренно, горячо, безумно, безмолвно, безнадежно* и т.д. То же самое происходит, например, со словом *очи*, которое, будучи само по себе экспрессивным в лексической системе XIX столетия, в сочетаниях с такими характерными для романса эпитетами, как *жгучие, прекрасные, страстные, жгуче пламенные* и т.д., становится еще более экспрессивным, ментально более колоритным.

Таким образом, из анализа различных романтических музыкальных произведений можно заключить, что стремление любить и быть любимым является определяющим в чувственно-духовном мире человека, оно же преобладает и в процессе чувственного взаимоотношения противоположных полов. В идеале такие взаимоотношения и должны были завершиться удачным браком. Исходя из этого, любовь как бы открывает двери союзу двух сердец, она является краеугольным камнем семейных ценностей, формирует неразрывную чувственную связь между двумя индивидами, превращающую формальный институт брака в обществе в союз двух любящих друг друга людей. И если даже этому счастливому финалу не суждено было сбыться, в русском романсе данного исторического периода, наряду с печальными лирическими отступлениями по этому поводу почти всегда выражается надежда на то, что это чувство будет жить и в дальнейшем, придавая смысл и одухотворенность человеческой жизни.

Список использованной литературы:

1. Карапетян Е.А. Концептуальная лексика русской песенной лирики XIX – начала XX столетий: моногр. М.: МГОУ им. В.С. Черномырдина, 2012. 172 с.

2. Карапетян Е.А. Экспрессивно-семантическая структура русской лирической песни как жанровой формы художественной речи и лексические средства ее формирования: дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2001. 254 с.